

Наталья Резанова

Двойная петля

*Часть сборника
Игра времен (сборник)*

Игра времен

Наталья Резанова

Двойная петля

«Автор»

2007

Резанова Н. В.

Двойная петля / Н. В. Резанова — «Автор», 2007 — (Игра времен)

«Дверь в библиотеку скрипела. Причем Крамер не знал, было ли это следствием небрежности строителей, или сделано нарочно, скажем, по измышлению Вероники – она же утверждала, что уют складывается из недостатков! Крамер еще помнил, как дебатировался в правлении вопрос о целесообразности библиотеки на Гекате-1. У специалистов-де имеется специальная литература в нанотезауросах, а рабочие предположительно проводят досуг в других местах. Но со времени прилета Крамер убедился, что библиотека почти никогда не пустует. Это был скорее клуб или комната для релаксации. А дверь скрипела...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

13

Наталья Резанова

Двойная петля

© Н. Резанова, 2008

© ООО Издательство «АСТ МОСКВА», 2008

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Рука тверда, дух черен, верен яд,
Час дружествен, ничей не встретит взгляд;
Тлетворный сок полночных трав, трикраты
Пронизанный проклятием Гекаты,
Твоей природы страшным волшебством
Да истребится ныне жизнь в живом.*

(Вливает яд в ухо спящему.)¹

В. Шекспир, «Гамлет», акт III, сцена 2

Дверь в библиотеку скрипела. Причем Крамер не знал, было ли это следствием небрежности строителей, или сделано нарочно, скажем, по измышлению Вероники – она же утверждала, что уют складывается из недостатков! Крамер еще помнил, как дебатировался в правлении вопрос о целесообразности библиотеки на Гекате-1. У специалистов-де имеется специальная литература в нанотезауросах, а рабочие предположительно проводят досуг в других местах. Но со времени прилета Крамер убедился, что библиотека почти никогда не пустует. Это был скорее клуб или комната для релаксации. А дверь скрипела.

Скрипнула она и сейчас, однако единственная посетительница библиотеки не повернула головы в сторону Крамера. Тот прошел мимо стеллажей и опустился в одно из пустовавших кресел.

– Привет, Вероника.

– Привет, шеф. Отдыхаете?

Вероника Неро, психолог Станции, оторвалась от книги и взглянула на Крамера. Странно было видеть на столь молодом лице такое старомодное украшение, как очки, да еще дымчатые, но Вероника любила подчеркнуть свои архаичные пристрастия. Впрочем, Эмма Вингрэн уверяла, что Вероника носит очки, так как без них выглядит старше. Типично женское объяснение.

– Отдыхаю. А у вас, насколько я помню, сегодня дежурство.

– Да. Осталось, – она взглянула на часы и захлопнула книгу, – десять минут.

– Не понимаю, зачем вам выходить наружу, когда у вас совсем другая специальность.

– Ну, диспетчер наружу не выходит, он сидит в саркофаге...

– Уходите от ответа.

– Безделье развращает – вы этого не знали? Психолог – это не врач, который здесь всегда может понадобиться. Наш персонал удручающе нормален. За два года у меня было всего

¹ Перевод М. Лозинского.

три серьезные консультации. Можете проверить. Остальные являются к психологу в основном, чтобы изложить свежие сплетни.

– Какие свежие сплетни могут быть на Станции?

– Те же, что во всех закрытых институтах. Кто, с кем и почему. Поневоле захочется обратиться на поверхность.

– А опасность? – Крамер невольно покосился на руку Вероники, лежавшую поверх переплета. На тыльной стороне кисти был замечен шрам.

– А опасности организуют... Вы ведь добиваетесь от нас четкой организации?

Она поднялась и поставила книгу – громоздкий, весьма потрепанный том – на полку, вернулась к креслу, но не села, осталась стоять напротив – невысокая, светлые волосы до плеч, неизменная черная кожаная куртка, протершаяся по швам, и косынка на шее (на Станции ходили в цивильном). Довольно приятная женщина, но типичный сухарь в отличие от Эммы и Лины.

Не успел Крамер вспомнить о Лине, как запела дверь и Лина появилась на пороге, видимо, только что сменилась, а следом за ней ввалился Андерсон.

– Привет, – буркнул он.

Лина вместо приветствия кивнула с небрежностью, позволившей только красивым женщинам.

– Взаимно. Я не знал, Бен, что вы так скоро вернетесь.

– Жестянка подобрала, а то добирался бы... – На Гекате, как и везде, жестянками именovali флаеры, а вездеходы – саркофагами. – А вы тут воркуете, как я погляжу.

– Я только отговаривал Веронику от дежурства на связи.

– А я говорю, что от меня не отломится, если я раз в неделю выйду со станции.

– Что? Что? – моргнул Андерсен.

– Действительно, Вероника, вы иногда как-то непонятно выражаетесь.

– Ну, это устаревшая конструкция. Допотопный сленг. Означает, что я не понесу ущерба. Мы, историки, иногда забываем, в каком веке живем... – Она нагнулась над креслом. – Лина, это не ваше хозяйство я здесь обнаружила?

– О! Мое вязанье. Вот спасибо! А я-то места не нахожу, все думаю, где я его позабыла.

Лина Альвер была гораздо красивее Вероники, а посему могла позволить себе толику дружелюбия.

Взяв вязанье, она осторожно опустилась в кресло. В соседнее с шумом плюхнулся Андерсон.

Вероника доброжелательно, насколько позволяли очки, взглянула на общество.

– Что ж, отдыхайте. А у меня время вышло. Ухожу.

– Удачи вам, – сказал Крамер, когда она уже закрывала за собой дверь.

– Никогда не желайте удачи выходящему на поверхность, – заметила Лина.

– Это почему?

– Плохая примета, – объяснил Андерсон.

– А у вас как дела?

– Паршиво...

– Что так?

– Видели результаты последних разведок? Если так будет продолжаться, компания прогорит с третьей космической скоростью. Слишком широко мы здесь развернулись.

– Наши главные задачи – научно-исследовательские, а не промышленные.

– А на кой черт такие шахты отгрохали? И систему защиты строят, и Шульц, между прочим, торчит там целыми сутками! А Геката скоро будет вывернута, как пустой карман!

– Не переживайте. На наш век хватит.

– Это вы так говорите. А мне перед Барнавом отчитываться.

– Вы сейчас к нему?

– Да. – Андерсон вскочил. Крамера всегда поражала эта его манера мгновенно собираться, каким бы расслабленным он ни казался. Сразу виден практик. Впрочем, других здесь не водится. – Покончу-ка я с этим поскорее. Поругаемся и лягу спать...

– Надеюсь, вы, Лина, – спросил Крамер после его ухода, – не поддаетесь этим упадническим настроениям?

– Меня они не волнуют. – Она на мгновение подняла глаза от мелькающих спиц. – Даже если компания полностью разорится, врачи будут нужны всегда.

– И красивые женщины – тоже.

– Благодарю, – холодно сказала она и снова погрузилась в вязание.

Крамер размышлял: «Лина здесь с самого начала работает и, как врач, вероятно, многое знает. Однако расспрашивать ее рано. Это всегда можно успеть».

Дверь закрылась за ним с ужасающим скрипом. Но Лина, как и Вероника, не обратила на это внимания.

Догадываясь, что беседа Андерсона с Барнавом займет не много времени, Крамер все же не хотел являться к заместителю в присутствии Бена. Поэтому он направился в операторскую.

В коридоре никого не было. Пол выстлан мягким пластиком, шаги пружинят и почти не слышны. Коридор как коридор, обычный, едва ли не в каждой конторе такой имеется. А то, что снаружи – вечная тьма, в которой висят созвездия, невиданные на Земле, и белая холодная Рамнусия, – это все равно. Это – Геката. Говорят, через миллион-другой земных лет будет здесь приличная атмосфера, но пока что невеселое место. Впрочем, неизвестно, что здесь будет даже через год. И будет ли вообще.

Он увидел табличку «Никто не должен мешать работе оператора!» и смело вошел. К нему надпись не относилась. Маленький Алек выпрямился с недовольным выражением на остром лице.

– Проверяете? – сказал он вместо приветствия. И снова сгорбился над пультом, бормоча: – Мне что? Я работаю...

– Никто вас не думает проверять. Просто хочу взглянуть, что там снаружи.

– А вот они все. – Алек ткнул в сторону карты-схемы. По черной, как ночь Гекаты, поверхности каплями крови ползли красные точки, обозначающие движущиеся объекты. И База с шахтами тледа, как горсть углей.

– Выходят на связь каждые полчаса. Кроме экстренных случаев, конечно.

Его перебил новый голос.

– Вызываю Гекату-1. Эй, на вахте! Говорит Оскар. Пролетаю над тектонической трещиной перед Мизраховым Горбом. Предупреди ребят, чтобы не лезли сюда, а обошли.

– Ладно, передам. Принял Эрманн. – Очевидно, пилот отключился, потому что оператор, не оборачиваясь к Крамеру, спросил: – А что слышно насчет прилета «Одина»?

– Откуда у вас такие сведения?

Их снова перебили – послышался голос человека, не привыкшего к возражениям:

– Геката-1! Вызывает Геката-2. Говорит Шульд. Найдите мне Камински – и немедленно!

– Геката-2! Говорит Эрманн. Координаты Камински – квадрат Е-северный, 6.

Еще кто-то подключился, требовал, сообщал, и вот он наконец, голос, которого Крамер неосознанно ждал.

– Говорит Неро. Вышли нормально. Идем по маршруту. Пока тихо. Сообщения есть?

– Ага. Слушай, Вероника! Скажи Элджи, или кто там с тобой сидит, – Оскар предупреждает, чтоб к Мизрахову Горбу шли в обход...

Не дожидаясь, пока Алек кончит говорить, Крамер вышел.

Барнав, заместитель директора Станции, полный подвижный человек неопределенного возраста, встретил его обычной усмешкой:

– Так! Все осмотрели, обревизовали, убедились – и все-таки недовольный вид. Что на этот раз? Андерсон пожаловался?

– Нет. Хотя он, конечно, жаловался. Я установил, что персонал Станции знает о прилете «Одина».

– Ну и что? Вас это беспокоит? Или сам визит высокой инспекции? Пусть прилетают. Что они здесь найдут? Специалистов, увлеченно занимающихся геологическими изысканиями и прочей научной работой. Дисциплинированных рабочих. Сухой закон, который, безусловно, нарушают, но это уж не моя забота, а ваша как проверяющего «Галактики»...

– И все-таки откуда это стало известно?

– Хотите найти источник слухов? По-моему, бесполезное занятие. Пусть болтают. – Он пожал плечами. – Утечка информации с Гекаты невозможна, это вы сами установили, а на Станции могут придумывать что угодно.

– Вот именно. И придумывают. Как мне сегодня напомнили, любой закрытый институт – неистощимый источник сплетен.

– Все равно. Не верю я в межзвездный шпионаж, страшные козни «И.С.» и так далее. Это из времен юности наших дедушек. Тогда чего на нынешнее время не прогнозировали! Выйдем, мол, за пределы нашей галактики, контакты, конфликты, инопланетные шпионы... Как было, так и осталось. Сидим в своей Галактике (он остановился, желая подчеркнуть каламбур, невысокого пошиба, по мнению Крамера), работаем как работали, чуждый разум тоже что-то молчит...

Скептицизм Барнава, по мысли руководства, должен был уравнивать суровость Шульца. Но Крамеру он успел изрядно надоесть.

– Собственно, цель моего визита не в том, чтобы обсуждать прилет «Одина». Я хочу попросить у вас личное дело Вероники Неро.

– Неро. Хороший работник. Кстати, она не похожа на итальянку.

– А разве она итальянка?

– Не знаю. Теперь все так перемешалось...

Он направился к сейфу с документами. Когда Барнав встал, оказался виден портрет президента Торгово-промышленной Федерации с выдержкой из его предвыборной речи: «Равновесие сил, установившееся на Земле, должно распространяться и на Космос – таков наш девиз. Мы – сугубо мирная организация и, исходя из этого, строим свою политику».

Барнав открывал какие-то ящики, бормотал:

– Да, почти ничего не изменилось... и документацию ведем по старинке... – Он вытащил пластиковую папку, протянул ее Крамеру. – Так что там с Вероникой?

– О ней ходят странные слухи.

– Опять слухи? Хм... это что, из-за того случая? Да, было дело. Это ж надо – такое везение! Я был на месте оползня. Было бы чудом, если бы она просто оказалась жива, а она еще и выбралась оттуда без единой царапины.

– Как без единой царапины? Я сам видел шрам.

– Так он и раньше был... И из-за этого случайного эпизода вы ее в чем-то подозреваете?

– Но кое-кто из рабочих и младших техников поговаривает, что Вероника вообще не может умереть.

– Погодите... вы это из-за недавней шумихи из-за андроидов? – Барнав отмахнулся. – Абсурд! Все сотрудники Станции прошли жесткий медицинский контроль. Любое отклонение от нормы... Ну, у Лины спросите... или у Монтериана...

– Возможно, я это сделаю. А может быть, и нет. Если хотите, меня интересует не сама Вероника, а эти слухи. Самое лучшее было бы обратиться к психологу. Но что делать, если Вероника и есть психолог? Во всяком случае, дайте папку.

– Берите. Только ничего вы здесь не найдете.

Итак, Вероника Неро, 26 лет, незамужняя, сирота, ни в одной политической партии или организации не состоит. Языки: английский, французский, итальянский, линкос, латынь. Родилась в Тремиссе (пригород Лауды). Окончила университет в Нью-Академе одновременно по двум специальностям – историк и психолог. Во время учебы награждена мемориальной академической стипендией королевы Беаты. Затем – полтора года в Институте Западной истории. Тема магистерской диссертации – «Психические отклонения в религиозных ересьях европейского Средневековья» (опубликована в XIX выпуске научных записок института). Подала документы сразу после того, как в печати было объявлено о наборе специалистов на Гекату, и зачислена незамедлительно.

Заключение врача: здорова.

Благодарность дирекции по делу М-29-а.

Какие-либо замечания отсутствуют.

Может быть рекомендована к дальнейшим работам, проводимым «Галактикой».

* * *

Вот и все. Обычная биография. Ничто не выделяет ее из прочих специалистов, работающих по контракту. Ни двойное образование – в последнее десятилетие это стало повседневным явлением, ни готовность, с которой она была принята на работу, – предпочтение при наборе отдавалось молодым и бессемейным. Легко находили объяснения и пресловутые архаические пристрастия Вероники. Единственное, на что следует обратить внимание, – благодарность дирекции. Судя по коду «М», дело касалось шахт. А Вероника не была допущена к работам на Базе, и необходимости в этом не наблюдалось. Разъяснения мог дать только Шульц. А Шульц скоро ожидается. Разумеется, он прибудет не для того, чтобы обсуждать Веронику Неро. Разговор пойдет о главном, а Вероника – это уже частности. Но главное – это шахты, а там побывала и Вероника.

– Смотреть видео или читать я могу и у себя в комнате. Библиотеку я посещаю, чтобы поговорить с людьми. Но только не на профессиональные темы!

Эмма Вингрэн уже почти достигла возрастного ценза, допустимого на Станции. Тело она имела полное, лицо округлое, голос пронзительный и не могла себе позволить ни надменности Лины, ни сухости Вероники.

– Только что здесь был Оскар, и знаете, о чем он битый час мне рассказывал? О фазах Рамнусии!

Неясно было, к кому обращается Эмма – расположившемуся рядом Андерсону, к Монтериану, занятому решением шахматной задачи, или к самому Крамеру.

Вероника, как всегда, копалась в книгах.

– Ты бы шла, выпалась после смены, – сказал ей Андерсон.

– Не хочу.

Разговор происходил примерно сутки спустя по земному времени. Шульц прибыл, но он-то сейчас как раз отсыпался.

– Правильно, Вероника, – Монтериан, второй врач Станции, оторвался от шахмат, – на сон уходит слишком много времени. Того, что мы тратим на сон, хватило бы еще на одну жизнь.

– А вы уверены, что человеку нужна еще одна жизнь? – подкинул ему реплику Крамер.

– А вы у людей поспрашивайте.

– Точно, – сказал Андерсон. – Каждый бы согласился прожить подольше. Если, конечно, не стареть. Иначе все ни к чему.

– И какой же допустимый предел? Вот вы, Эмма, как думаете?

– Ну, это извините, Раф, спрашивать женщину о возрасте!

Поняв, что Вероника сама в разговор не включится, Крамер прямо адресовался к ней:

– А вас эта тема совсем не интересует?

– Когда-то интересовала. – Она провела пальцами по корешкам книг. – Даже кое-что почитывала. Потом бросила. Слишком уж много об этом написано. Впрочем, кажется, ничего нельзя сказать, чтобы не найти этому аналогию в истории, в философии, в литературе. Так вот, о долголетьи. Один великий писатель прошлого в свое время утверждал, что человек должен и может жить не менее трехсот лет. Причем средство для этого он указал самое простое – нужно просто не хотеть стареть и умирать. Этот писатель и сам прожил довольно долго – ну не триста лет, а около ста... А другой гений, его современник, возразил: человеку отпущен совершенно достаточный срок, дальше настали бы скука и опустошение... Этот писатель, конечно, умер весьма молодым. Кстати, Эмма, оба они, развивая свои идеи в драматургической форме, в центр сюжета ставили женщину. Потому что женщина, вероятно, находится в более интимных отношениях со временем.

– Ладно, это к истории вопроса. А ваше собственное мнение?

– Если бы человек мог жить неопределенно долго? Как историк, посоветовала бы ему запоминать побольше – какой бы это был неоценимый свидетель! А как психолог – не перегружать голову ничем лишним.

– У вас, Вероника, узкоспециальный взгляд на вещи, – сказал Монтериан.

– Зато ты всегда помнишь кучу разных подробностей, – усмехнулся Андерсон.

– Ненужных, хочешь сказать? – Она взглянула сквозь очки на Крамера. – Вот вам свидетельство, что я не приспособлена к долгой жизни. Голова не выдержит. – И она снова повернулась к книгам.

На интеркоме вспыхнул огонек. Голос дежурного оператора сообщил:

– Библиотека! Директор Шульц приглашает проверяющего Крамера на совещание.

– Вынужден прервать интересную беседу. – Крамер поднялся со своего места.

– Наконец-то убрался, – буркнул Андерсон, когда за тем закрылась дверь. – Места себе не находит. Знаете, зачем он на Гекату прилетел? Кому-то в правлении померещилось, будто бы «И.С.» заслала на Гекату шпиона. Ничего такого он, конечно, не нашел, потому что какой может быть на Станции шпион? Даже Барнав в это не верит. Вот ему и не сидится, все чего-то ищет по привычке.

– А вы, однако, разговорились, – заметил Монтериан, обращаясь к Веронике.

– Это еще что! Вы бы, Раф, послушали, как она с монтажниками или в саркофаге ораторствует!

– Вот как? О чем же?

– О работе в основном, – иронически протянула она.

– Скука, какая скука. – Эмма запрокинула голову назад.

– Вот видите, Эмма, вы сейчас уже жалуетесь на скуку. А что было бы через триста лет?

– По-моему, Раф, вы сами затеяли этот разговор. Начать, что ли, вязать, как Эмма... Я ведь пробовала уже... хм... в молодости... Или хоть бы для интереса в самом деле изловили шпиона. Только что ему на Гекате высматривать?

– Да, членов движения «Мирный Космос» у нас до трети состава.

– По-моему, речь шла о промышленном шпионаже.

– А, чего там! Все открытия на Гекате давно заявлены в Большой Совет. Я сам составлял доклад. Что еще может заинтересовать нормального человека здесь?

– Разве что установка, которую монтируют в шахтах.

Вероника тихо подошла к столу.

– А что? – заинтересовался Монтериан. – Разве там есть что-нибудь необычное?

– Не знаю. Я с подобными постройками никогда не сталкивалась. Это Бену виднее. Он спец по добывающей промышленности.

– Я туда не совался.

– Ну а мне тем более ничего в этом не понятно. Может, силовая защита там и положена...

– А я вот ни разу не был на Базе. Надо у техников спросить, может, они объяснят.

– И арестуют вас, Раф, как шпиона... и будет для Эммы развлечение.

– Вероника хочет сказать, – съязвила Эмма, – что и на Гекате может быть интересно, и шпиону здесь есть что высматривать...

– Эта шутка уже надоедает... Шпион должен иметь обязательную связь с Землей. А у нас вся связь под контролем.

– Ну, что касается связи... – Вероника уже подошла к двери. – Про прилет «Одина» вы, надеюсь, слышали?

– Оставьте. «Галактика» – вполне легальная промышленная организация. Все тайны здесь – погодно-атмосферно-геологические. Это Геката, друзья мои, Геката.

– А вы знаете, Раф, кто такая была Геката?

Вероника остановилась в дверном проеме – потертая черная куртка, платок на шее, светлые волосы.

– Знаю. Богиня ночи.

– ...и покровительница всех творящихся под покровом ночи преступлений. – Она усмехнулась. – Очень двусмысленная особа.

Директора советовались или совещались – если это можно было назвать совещанием. Наскоки Барнава на Шульца уже давно не вызывали у Крамера смеха. Шулец всегда был прав, как выразилась бы Вероника – удручающе прав, и делать с этим было нечего.

– И как же вы объясните сотрудникам причины, по которым работы сворачиваются?

– Но ведь все они знают, – голос Шульца был размерен и весом, голос человека, имеющего в запасе неопровержимые аргументы, – что запасы полезных ископаемых истощены. Андерсон и другие достаточно высказывались на этот счет. Вот компания и продает Базу со всем оборудованием...

– Ну что ж, мошенничество – это все они обожают, это может пройти... – Барнав встал, затем сел. – И вы думаете, что техники и монтажники, не все, некоторые, ясно, несмотря на спешку, не догадались, над чем они работали?

– Главное, чтоб раньше времени не вышло наружу. Внутренние конфликты мы уладим сами. Нам нечего бояться возмущения.

– Это что, военный совет? – спросил Крамер.

– До этого дело еще не дошло. И не должно дойти. Но если дойдет... личное оружие на Гекате имеется, кроме нас троих, только у дежурных на наружном и внутреннем пультах управления шахтами – они, само собой, осведомлены... в границах. Больше ни у кого. Оно и не нужно – на Гекате не с кем сражаться, здесь нет органической жизни, так что все предусмотрено. Идти против лазерных деструкторов с ножами и дубинками не имеет смысла.

– Вы забываете о возможностях наших техников. Они многое способны смастерить...

– Все равно это будет кустарщина. Но я говорю о крайнем случае. Чем спокойнее, тем лучше. А вы, Крамер, этого не понимаете. Уж если пошли эти слухи о Неро, нужно свести их к минимуму, а не поддерживать своим навязчивым интересом.

– Ага! Значит, вы тоже слышали?

– Нечто неопределенное и, откровенно говоря, не стоящее внимания.

– Думаю, что никто из высшего персонала Станции не верит в эту пресловутую неуязвимость Неро, но и среди них прочно укоренились разные суеверия. А это плохо. «Лучше никаких сведений, чем неверные сведения» – записано в уставе «Галактики».

– Станешь суеверным, проработав здесь два года, – пробормотал Барнав. – Хорошо, что мы сами не свихнулись... если вспомнить, на чем мы тут сидим...

– Ну а им-то с чего сходить с ума? Ведь жертв при работах почти не было.

– Сама Геката – достаточно мрачное место. Темнота, ураганы, атмосфера, в которой нельзя дышать, но способная наделать уйму неприятностей проходчикам... И потом, даже то обстоятельство, что на Гекате почти никто не погиб... Иное спасение вызывает больше суеверных толков, чем гибель.

– Вам бы самому психологом быть вместо Неро.

– Хорошо, разберем этот случай с Неро. Ничего же не было подозрительного, ничего! Дело было около семи месяцев назад, земных, конечно... Пошли они обычной партией – пять человек. Остановились у каньона Дикты – вы его не знаете, он теперь не существует. Вероника, как положено, осталась в саркофаге, пардон, в вездеходе, а остальные ушли по дну, довольно далеко, там крутой поворот был, ничего не видно. И в этот момент начался оползень. И ее засыпало. Но она умудрилась так разогнать вездеход, что он вырвался из завала, проскочила дальше по дну каньона и успела перехватить ребят, прежде чем оползень дошел до них. Вездеход порядочно помяло, но, в общем, никто не пострадал. Со здешним милым рельефом дремать не приходится! Я вам с десятков случаев расскажу, не таких, так подобных.

– Хорошо. Все нормально, все в порядке вещей. А что за дело М-29-а?

– Дело о пожаре в третьей шахте, – ответил не Барнав, а Шульд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.